

<http://yuri4z5lf.livejournal.com/>

Юрий Басин

"Воспоминания о практике на "Новороссийске"

Раз уж меня так неудержимо повело на воспоминания о Севастополе, не могу не упомянуть о своей курсантской практике на линкоре "Новороссийск". Линкор погиб при загадочных обстоятельствах в Севастопольской бухте вместе с половиной его команды - около 700 человек. Это произошло ночью 29-го октября 1955 года, а я был на нём летом 1953-го. Помощник командира корабля капитан 2-го ранга Зосим Григорьевич Сёрбулов был первым, с кем мы, курсанты, познакомились на линкоре. Знакомство было запоминающимся.

Наша летняя практика после первого курса военно-морского училища состояла из двух этапов, каждый по месяцу: штурманского на учебном корабле "Волга" и боевого на линкоре "Новороссийск". Рота первого курса 150 человек была разбита на две группы: одна (и я в ней) сначала проходила практику на "Волге", а вторая - на "Новороссийске". Потом поменялись местами.

Когда штурманская часть практики нашей группы закончилась, "Волга" подошла на внешний рейд Севастополя, где уже стоял на якорях "Новороссийск". Нас пересадили по трапу с "Волги" на самоходную десантную баржу, и она пошла к "Новороссийску". Навстречу нам от "Новороссийска" к "Волге" на такой же барже шла наша вторая группа курсантов. Баржи разошлись бортами довольно близко, так что мы узнавали знакомые физиономии, и радостно обменивались приветствиями. Когда были уже порядочно друг от друга, с той баржи донёсся чей-то затихающий одинокий голос: "Бойтесь Сёрбулова-а-а..."

Наша баржа подошла к спущенному трапу "Новороссийска", и первая пара курсантов с "морским чемоданом" (это парусиновый мешок кубической

формы с двумя ручками, один на двоих) поднялась по трапу наверх. Наверху стоит небольшого роста довольно невзрачный капитан 2-го ранга, рядом толстенный мичман, сразу видно - боцман. Ребята остановились. Кап-два их спрашивает: "Кто такие?" Ребята не выпуская из рук чемодана переглянулись и говорят: "Как кто? Мы курсанты!" Кап-два говорит: "Та-ак! Не умеете представляться. Боцман, у нас есть для них работа?" Боцман радостно отвечает: "У нас всегда есть работа! Ставьте вот тут рядом ваш чемодан, и идите вон туда, к той шлюпке. Её надо покрасить". Первыми шли по ранжиру два самых "фитильных" курсанта нашего взвода. Меня природа пощадила, рост всего 178 см. Поэтому мы с напарником такого же роста шли вторыми. И сделали выводы. Бодро поставили наш чемодан на палубу, вытянулись в струнку, и: "Курсант Басин!", "Курсант Чернов!" Кап-два сказал: "Ну, вот это другое дело. Идите на ют, сейчас мы вас распишем по боевым постам!" Это и был помощник командира корабля капитан 2-го ранга Сёрбулов. Тот самый, которого надо было бояться.

На линкоре мне фатально не везло. Я чуть не оглох во время учебной артстрельбы, оказавшись слишком близко от среза ствола зенитной пушки-сотки. Меня чуть не удушили газом во время химических учений. Я чуть не сварился заживо в огромном кухонном электрокотле, где только что сварили плов на полторы тысячи человек команды, и куда главный кок загнал меня чистить и мыть его, пока горячий. И т.д. Пожалуй, самым безобидным был следующий эпизод.

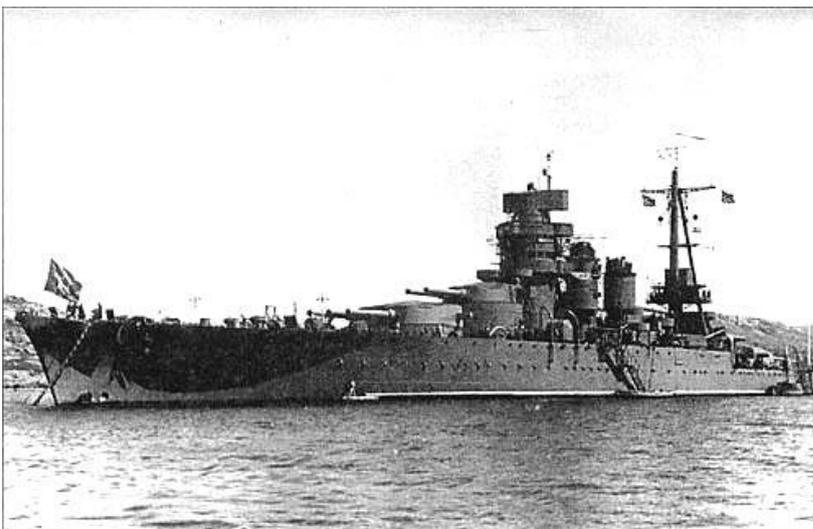
Я погорел во время субботней большой приборки, когда нельзя было заходить в галюны, а меня, извините, подпёрло. И кто-то из матросов меня заложил. Видимо, записал или запомнил мой "боевой номер", нашитый на грудном кармане рубашки. После ужина меня вызвали к боцману, и он своей властью посадил меня на сутки в карцер, роль которого выполнял так

называемый "цепной ящик" в носовой части линкора, где сложена якорь-цепь. Там уже сидел второй "погорелец", тоже курсант. Нам дали две "шкрябки", кисть и ведёрко кузбасс-лака, чтобы мы при тусклом свете лампочки очищали от ржавчины и покрывали кузбасс-лаком звенья якорь-цепи. Пожелали удачи и задраили сверху люк. Когда мы попробовали вдвоём перевернуть хотя бы одно звено, мы поняли, что над нами просто издеваются. В нём было наверное не меньше полутонны кованого железа. Мы плюнули на всё, расположились насколько могли удобно на жёстких холодных звеньях якорь-цепи, и задремали. Когда стемнело, вокруг нас забегали огромные корабельные крысы. Мы отмахивались от них "шкрябками", но они подходили всё ближе. Мы стали стучать "шкрябками" снизу в люк и орать истошными голосами. Наконец пришёл заспанный матрос из боцкоманды и выпустил нас на палубу. Но дал другое задание. Надо было спуститься по шторм-трапу за борт линкора на мусорный плотик, и очистить его прямо в бухту.

Свои злоключения на "Новороссийске" я уже описывал, не буду повторяться. Скажу только, что хотя я больше не сталкивался с Сербуловым напрямую, все мои несчастья так или иначе были следствием жёстких порядков, которые он завёл на этой пловучей Бастилии. Но надо отдать ему должное - порядки не были дурными или несправедливыми, они просто соответствовали тому менталитету, который выработался у командования по результатам войны: что матросов, да и младших офицеров, надо держать в чёрном теле. Для поднятия боевого духа. Сербулов сам прошёл всю суровую флотскую школу от юнги до фактического командира огромного военного корабля, и не считал нужным нянчиться с другими. Лучшие качества Сербулова, как командира, проявились в ночь трагедии "Новороссийска". Все обстоятельства этого события многократно описаны во многих источниках, я не буду на них даже ссылаться. Получилось так, что в эту ночь Сербулов остался старшим на корабле. После взрыва в носовой части корабля Сербулов, знавший на корабле каждый винтик, быстро понял, что спасти корабль можно только посадив его носом на мель у Морского госпиталя. Шпили из-за взрыва не работали, и он приказал разъединить на баке смычки якорь-цепи, мешающей дать ход машинами к берегу. Одновременно он организовал эвакуацию той части команды, которая не была непосредственно занята в авральных работах, и была бесполезна с точки зрения организации борьбы за спасение корабля.

В это время на линкоре появился командующий флотом вице-адмирал Пархоменко. Он отстранил Сербулова от командования кораблём, отменил все его приказы, и взялся командовать сам. Приказал вернуть на корабль всех эвакуированных с него. После этого спастись тонущий корабль явилось ещё 6 адмиралов и 28 высших офицеров штаба флота. Несколько часов бестолковой суеты сыграли свою зловещую роль. Корабль понемногу кренился, и наконец перевернулся. Все находившиеся внутри него оказались в ловушке, и погибли. Из стоявших без дела несколько часов на палубе сотен моряков далеко не все доплыли до берега, хотя до него было всего около сотни метров. Вокруг тонущего корабля стояло множество спасательных шлюпок и катеров, но Пархоменко до самого последнего момента не разрешал начать эвакуацию людей.

Потом было длительное расследование этой трагедии, так до конца и не выявившее причин взрыва. Какое участие в этом расследовании принимал Сербулов, и какова вообще его дальнейшая судьба - мне неизвестно. Знаю, что он вышел в отставку капитаном 2-го ранга, и что его давно нет в живых. Знаю, что он не был награждён за мужество и грамотные действия при гибели "Новороссийска", хотя все спасшиеся (многие благодаря ему) были награждены. И где он служил после "Новороссийска" - тоже не знаю. Может быть кто-нибудь знает о нём больше.

Линкор "Новороссийск"